

Поиски и находки

Владимир ЧИСНИКОВ

«...Я ПОД ПРИСМОТРОМ
ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ»
(Лев Толстой и спецслужбы)

Следует всегда иметь в виду, что один, даже слабый секретный сотрудник, находящийся в обследуемой среде, несоизмеримо дает больше материала для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором официально могут вращаться заведующие розыском.

Из «Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры» (1911 г.)

29 апреля 1909 года. Ясная Поляна. Солнце клонилось к закату, когда в графском особняке, в просторной столовой за длинным столом собралась многочисленная семья и гости Льва Николаевича Толстого. На так называемом хозяйском месте, откуда можно было видеть всех присутствующих, сидела жена писателя Софья Андреевна. По правую сторону от нее, в желтом венском кресле находился

Владимир Николаевич Чисников родился в 1948 году в городе Шахтерске Донецкой области, кандидат юридических наук (1984), доцент, полковник милиции в отставке, ныне главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины, член Международной ассоциации историков права, Международной полицейской ассоциации (Украинская секция), член зарубежной секции редакционного совета журнала «Оперативник (сыщик)» (Москва). Проживает в г. Бровары Киевской области. Автор, соавтор, составитель и редактор более 700 публикаций и печатных изданий по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более тридцати лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Участник Международных Толстовских чтений и Международных Толстовских конгрессов. Печатался в журналах «В мире спецслужб» (Киев), «Новом журнале», «Неве» (Санкт-Петербург), «Законность», «Шпион», «Оперативник (сыщик)» (Москва) и др.

Лев Николаевич, а рядом с ним — старшая дочь, Татьяна Львовна. Такой порядок за столом в семье Толстых сохранялся на протяжении многих лет.

...После первого блюда заговорили о проходящем в Петербурге судебном процессе над бывшим директором Департамента полиции А. А. Лопухиным, который подтвердил издателю журнала «Былое» В. Л. Бурцеву, что член ЦК партии социалстов-революционеров Евно Азеф действительно является агентом тайной полиции.

— Я понять не могу, — удивился Лев Николаевич, — зачем его судят? Неужели то, о чем он рассказал, — государственное преступление? Ехал в вагоне с Бурцевым, и Бурцев рассказал ему, что подозревает Азефа в шпионстве, и спросил, правда ли, что Азеф — шпион. Потом потребовали от него подтверждения, даже пришли к нему двое с угрозой. Лопухин рассказал.

Спустя несколько дней, узнав, что Лопухин приговорен к пяти годам каторжных работ, Толстой с возмущением заметил:

— Лопухин раскрыл, какую правительством совершает гадость (сыск, агенты, провокаторы), а вместо того, чтобы замолчать, замаять, его судят.

Об Азефе, по воспоминаниям доктора Д. П. Маковицкого, в семье Толстых речь заходила и раньше. В феврале 1909 года газеты сообщили о том, что среди рядовых членов партии эсеров начались самоубийства, вызванные предательством Азефа. Обсуждая это событие, знакомая Толстого Мария Александровна Шмидт, ужаснувшись, воскликнула:

— Как можно быть шпионом?

Никто из присутствующих не решился ответить на ее вопрос, и только Лев Николаевич задумчиво произнес:

— Это нам, простым людям, непонятно...

В «деле Азефа» Толстого особенно поражала *безнравственность* правительства, использующего в борьбе с революционным движением шпионов (агентов-провокаторов), засылая их в ряды революционеров.

Следует сказать, что В. Л. Бурцев, которого современники называли «охотником за провокаторами», в одном из своих писем, отправленном из Парижа в августе 1910 года, убеждал Льва Николаевича «поднять голос против... преступлений... которые совершает русское правительство... сея всюду предательства и провокаторства». Толстой парижскому корреспонденту не ответил, так как В. Г. Чертков посоветовал ему с Бурцевым дела не иметь, тот ответ писателя сразу же напечатает.

Напомним, что машина политического сыска царской России состояла из трех основных, хорошо отлаженных между собой механизмов: внутренней агентуры (секретные сотрудники), наружного наблюдения (филеры) и перлюстрации корреспонденции («черные кабинеты»). Последние два служили вспомогательными средствами. Главным же источником, обеспечивающим осведомленность царской охраны о революционном движении, была, как указывалось в жандармской инструкции, «внутренняя совершенно секретная и постоянная агентура».

Среди объектов, требующих пристального внимания тайной полиции, фигурировал и Лев Николаевич Толстой. «Я, кажется, сильно на примете у синих (жандармов. — В. Ч.). За свои статьи...» — записал он 17 сентября 1855 года в своем дневнике. Спустя год писатель сообщал в письме своей знакомой В. В. Арсеньевой из Петербурга: «Оказывается, что я под присмотром тайной полиции...» И хотя в сохранившихся полицейских документах нет сведений о слежке за Толстым в эти годы, тем не менее можно с уверенностью утверждать, что «недреманное око» сначала III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, а затем сразу трех полицейских ведомств — Тульского губернского жандармского управления, Московского охранного отделения и Департамента полиции — держало его

«под колпаком» на протяжении полувека, и особенно пристально — последнее тридцатилетие.

Один из современников писателя отмечал, что «дом графа Толстого (в Москве. — В. Ч.) был постоянно окружен сыщиками, которые заходили так далеко в своей наглости, что даже заглядывали в комнаты через окна». Подтверждением тому является случай, рассказанный литератором Д. В. Григоровичем. Будучи однажды в Москве, он навестил Толстого и обратил внимание, что с улицы можно видеть, как тот пишет за столом.

— Почему вы, Лев Николаевич, не закрываете окно шторой? — спросил он писателя.

— А чтобы полицейским было видно, кто у меня бывает, ведь они за мной следят, а в щелку подглядывать тяжело. Надо же облегчить их труд, — ответил Толстой со свойственным ему юмором.

В Департамент полиции постоянно поступала агентурная информация не только о самом Толстом и его семье, но и о его связях, знакомых, последователях. Были здесь и сводки наружного наблюдения, и агентурные записки секретных сотрудников, и выписки из перлюстрированных писем. В секретных полицейских делах сосредоточивалось все, что появлялось в печати о Толстом как в России, так и за границей.

В рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве хранятся многие дела Департамента полиции с материалами слежки за Толстым. Среди них обращает на себя внимание двухтомное дело № 349 «О писателе графе Льве Николаевиче Толстом» с секретными документами за 1892—1905 годы. О том, что Департамент полиции придавал этому делу особое значение, можно судить по имеющимся на его обложке пометкам: первоначальная надпись «Хранить 15 лет» была перечеркнута, а вместо нее появилась новая — «Хранить всегда».

Любопытное наблюдение: в России не было политического деятеля, в отношении которого карательные органы самодержавия завели столько дел, сколько на Толстого. Секретные дела есть не только в архивах Департамента полиции, Совета министров, Святейшего Синода, различных министерств, но и во многих местных государственных учреждениях империи: канцеляриях губернаторов, жандармских управлениях, охранных отделениях, комитетах по делам печати и т. д. По подсчетам исследователей, только в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге хранится 1180 дел, связанных с именем писателя.

Небезынтересен и такой исторический парадокс: эти политические дела заведены на праправнука одного из основателей политического сыска в России! Ведь родоначальник Толстых — Петр Андреевич — возглавлял созданную Петром I Тайную канцелярию.

Следует отметить и еще одно обстоятельство, не имеющее прецедента в истории русского освободительного движения. Толстой всю жизнь прожил в России и на протяжении нескольких десятилетий открыто высказывал свое отрицательное отношение не только к царскому правительству, но и ко всему государственному строю в целом. Несмотря на это, он не только не привлекался к судебной ответственности, но даже ни разу не был арестован!

Царские жандармы использовали против Толстого все силы и средства, имеющиеся в их тайном арсенале, в том числе и секретных сотрудников. Следуя основному принципу своей деятельности — знать «всё и вся», тайная полиция периодически засылала своих агентов под видом посетителей, «искателей истины», просителей, не только в московский дом писателя, но и в Ясную Поляну.

Лев Николаевич на склоне лет как-то заметил, что «никогда в жизни шпионов не встречал». Позволим не согласиться с его высказыванием. Впервые ему довелось общаться с агентом III отделения, не догадываясь о его сотрудничестве с тай-

ной полицией, в... Казанском университете. В 1845 году студент первого курса Толстой был оставлен на второй год по настоянию профессора Н. Иванова, характеризовавшего молодого графа как «совершенно безуспешного к истории». В наши дни выяснилось, что этот «прозорливый» профессор педагогическую деятельность небезуспешно совмещал со службой в тайной политической полиции.

«...Сыщик для мелких воришек...»

Впервые III отделение заподозрило тридцатитрехлетнего Толстого в «неблагонадежности» осенью 1861 года. Именно в это время в Ясной Поляне появились исключенные из Московского университета студенты, которых писатель пригласил в качестве учителей для крестьянских детей в организованных им школах. Среди них был Алексей Соколов, состоявший под надзором полиции за участие в издании и распространении запрещенных антирелигиозных сочинений. Тульские жандармы установили за ним негласное наблюдение. Естественно, тайная слежка стала вестись и за графом Толстым.

Почти одновременно за Львом Николаевичем был учрежден тайный надзор и со стороны московской полиции. Частный пристав московской части Шляхтин, получив агентурные сведения, что граф Толстой, проживая в Москве, имел постоянные встречи с неблагонадежными студентами, поручил бывшему крестьянину из дворовых Михаилу Шипову следить за писателем как в Москве, так и в Ясной Поляне.

По заданию полиции в феврале 1862 года Шипов под фамилией Зимин прибыл в Тулу «следить за действиями графа Льва Николаевича Толстого и узнать отношение его к студентам университета, жившим у него под разными предлогами». О том, как Шипов—Зимин выполнил данное ему секретное поручение, мы узнаем из донесения тульского жандармского полковника А. М. Муратова:

Весьма секретно

от штаб-офицера
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ,
находящего
в Тульской губернии

№ 102

Июня 1-го дня 1862 г.

Тула

О Галицком почетном гражданине

Зимине и его товарище Гирос.

Галицкий почетный гражданин Михайло Иванович Зимин прибыл в гор. Тулу 17-го минувшего февраля с тамбовским мещанином Гирос, распустив слухи, что он агент Правительства и что ему поручены весьма секретные дела.

По требованию полиции г. Зимин представил свидетельство, выданное ему приставом московской полиции, городской части, г. Шляхтиным, от 15 февраля 1862 г. за № 101, сроком на два месяца; у г. Гирос был паспорт, выданный ему из Тамбовской градской думы. Г. Зимин все время пребывания своего в Туле вел разгульную, нетрезвую жизнь, посещая гостиницы низшего разряда и наконец, дошел до такой крайности, что у товарища своего г. Гирос заложил часы, без его позволения, и через этот поступок они поссорились и разошлись.

Между тем, Зимин болтливостью своей обнаружил секретное поручение, данное ему будто бы Правительством следить за действиями графа Льва Толстого и за лицами, живущими у него в имении в с. «Ясная Поляна».

Узнав об этом, я пригласил к себе г. Гирос, который подтвердил все относящееся до г. Зимина и прибавил, что г. Зимин обещал ему дать 6 рублей сер/ебром/, если он откроет что-нибудь о графе Толстом; но все это время г. Гирос ездил только в с. «Ясную Поляну» два раза, не открыв ровно ничего.

Об этом обстоятельстве я лично сообщил г. начальнику губернии, который вполне разделяет мое мнение, что г. Зимин (если ему и было дано какое-нибудь поручение) болтливостью своей много повредил к указанию истины и действию лиц, живущих в имении графа Толстого, за которыми ему, быть может, поручено было следить.

Г. Гирос живет еще в Туле, а Зимин выехал в Москву 22 мая, не заявив никому о своем отъезде.

О чем долгом считаю почтительнейше донести Вашему превосходительству.
Подписал полковник *Муратов*.

Управляющему III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Свиты Его Величества, Господину Генерал-Майору и Кавалеру Потапову.

Получив донесение Муратова, управляющий III отделением генерал-майор Потапов написал на нем резолюцию: «Хорош агент! Но я удивляюсь, как можно было его выбрать, — это простой сыщик для мелких воришек, которого я лично знаю».

Между тем Шипов, чувствуя надвигающуюся грозу, еще в мае уехал в Петербург, куда, по его сведениям, отправился Толстой. 14 мая 1862 года Лев Николаевич действительно выехал из Ясной Поляны, но не в Петербург, а в Самарскую губернию, для лечения кумысом. Не обнаружив в столице своего подопечного, Шипов отправился на Фонтанку, где размещалось четырехэтажное здание III отделения. На приеме у Потапова он пытался узнать адрес графа Толстого. Однако генерал сообщил незадачливому сыщику о полученном из Тулы донесении и предупредил, что ему «будет нехорошо».

Предсказание Потапова вскоре оправдалось. Не успел Шипов приехать в Москву, как его тут же арестовали. Чтобы каким-то образом себя реабилитировать и оправдать растрату 315 казенных рублей, выданных ему на агентурные цели, Шипов на допросах начал давать такие «открытия» в отношении Толстого, насколько позволяла его буйная фантазия. Об этом, например, свидетельствует нижеследующий документ:

1862 г. июня 12 дня в городском частном доме чиновнику г. Московского военного генерал-губернатора, подполковнику Шеншину, временно обязанный дворовой человек князя Долгорукого Михаил Иванович Шипов на спрашивании показал:

Объявивши желание следить секретно за действиями графа Льва Николаевича Толстого и узнать отношение его к студентам университета, жившим у него под разными предлогами, — я, в феврале месяце сего года, командирован был Вашим Высокоблагородием для сего в г. Тулу. Граф Толстой в то время жил Крапивинского уезда в сельце «Ясная Поляна» от Тулы 13 верст. Проживя в Туле три месяца и бывая часто в «Ясных Полянах» я узнал, что при графе находится более 20 студентов разных университетов и без всяких видов, большая

часть из сих студентов проживают в Волостных Правлениях участка графа Толстого и занимают должности учителей крестьянских мальчиков, а также писателей в Волостных Правлениях, по воскресным же дням все они собираются к графу; цель этих посещений или собраний студентов у графа мною еще не узнана. На четвертой неделе минувшего Великого Поста, когда я находился в Туле, к графу Толстому привезены были из Москвы литографические камни со шрифтом и какие-то краски; на этих камнях, как мною было узнано через одного из бывших у графа учителей, предполагено было печатать какие-то запрещенные сочинения, но эти предположения не состоялись, потому что «Ясная Поляна», где предполагалось прежде печатать, близки к городу; все эти камни и инструменты для печатания перевезены потом в другое имение графа — Курскую губернию. Печаталось ли что-либо в «Ясных Полянах», я не знаю. В деле печатания принимают участие мировой посредник Белевского уезда князь Евгений или Павел Александрович Черкасский, к которому граф очень часто ездит. Наконец я узнал, что граф Толстой выехал из «Ясных Полян» в С.-Петербург, почему я и отправился туда за ним для наблюдения, но, пробыв в С.-Петербурге одну неделю, я от управляющего III отделением Собственного Его Величества Канцелярии, генерала Потапова, узнал о жалобе на меня Тульского начальника, а потому и, не имея у себя никакого паспорта, я решил оставить графа и возвратиться в Москву, куда и прибыл 9-го числа сего месяца. Во время нахождения моего в Туле я узнал, от одного из близких к графу, что печатание на привезенных к графу литографических камнях начнется у них в Курской губернии с августа месяца сего года, что же касается до полученных мною от вашего Высокоблагородия денег *триста пятнадцати рублей*, то в расход из них 115 руб., мною отчет Вам был дан перед отъездом моим в Тулу, а остальные за тем деньги я израсходовал на прогоны и содержание себя в течении трех месяцев, что объясняю по всей справедливости и объяснить более ничего не имею. К сему показанию временно обязанный князя Долгорукова дворовой человек Михаил Иванович Шипов руку приложил.

Показания отбирал подполковник *Шенин*.

Спустя десять дней Шипов на допросе сообщил, что в Ясной Поляне, в доме у графа, имеются потайные двери и лестницы, и даже телеграф, по которому он поддерживает связь со своими единомышленниками. Для пущей важности Шипов предупреждал московскую полицию, что в августе «Толстой намеревается отпечатать подпольный манифест по случаю тысячелетия России и этот документ уже находился у него на просмотре и отправлен за границу».

Показания Шипова были доложены московскому генерал-губернатору Тучкову, и тот счел необходимым ознакомить с ними генерала Потапова, препроводив в Петербург все имеющиеся материалы вместе с Шиповым. Несмотря на предупреждение Тучкова, что «Шипов есть такого рода личность, на которую полагаться совершенно нельзя», шеф жандармов В. А. Долгоруков с согласия императора Александра II решил произвести у Толстого обыск, направив в Тулу жандармского полковника М. А. Дурново.

На рассвете 6 июля к графскому имению в Ясной Поляне подкатили, звеня колокольчиками, три почтовых тройки, на которых восседали жандармы во главе с Дурново. Два дня они искали тайную типографию и запрещенную литературу. Обыск производился по всем правилам сыскного искусства: перерыли в доме все вещи, просмотрели все бумаги, обшарили школы, где учились крестьянские дети, взломали ломом полы на конюшне. Попытались даже выловить рыбацкой сетью в пруду типо-

графский станок, но вместо него им попадались только невинные караси да раки. Обыску подверглось не только яснополянское имение Толстого, но и сельские школы, открытые им в ближайших селах, а также родовое имение в с. Никольское Чернского уезда. О результатах обыска Дурново доложил своему шефу в обстоятельном рапорте, указывая, в частности, что при осмотре дома Толстого «не оказалось ни потайных дверей, ни потайных лестниц, литографированных камней и телеграфа тоже не оказалось».

Узнав об обыске, Лев Николаевич был глубоко возмущен жандармским произволом. «Какое огромное счастье, что меня не было дома, — писал он впоследствии своей родственнице А. А. Толстой. — Если бы я был, то верно бы уже судился, как убийца». 22 августа писатель написал жалобу царю, который, зная о результатах обыска, проявил «милость»: распорядился, «чтобы помянутая мера (то есть обыск. — В. Ч.) не имела собственно для графа Толстого никаких последствий».

О существовании жандармского дела в отношении Толстого и о тайной слежке за ним Лев Николаевич узнал спустя... сорок четыре года! Литератор П. Сергеенко рассказывал, что однажды летом 1906 года, сидя за обеденным столом на террасе яснополянского дома, кто-то из гостей заговорил о секретном «толстовском деле», опубликованном в журнале «Всемирный вестник». Оказалось, что Лев Николаевич с этими материалами не знаком и интересуется ими. Тогда гость, достав из кармана вырезку журнальной статьи, начал читать:

— ...Зная, что граф Толстой сам много пишет, и полагая, что может быть он сам был редактором того сочинения, частный пристав приказал следить за ним Михаилу Шипову как в Москве, так и по отъезде в имение его Тульской губернии...

— Какие глупости, — прокомментировал Толстой, продолжая внимательно слушать.

— ...В Великом посту сего года привезены были к нему литографические камни...

— Ничего подобного не было, — снова заметил Лев Николаевич. А когда прочли место, где речь шла о шефе жандармов князе Долгорукове, который предписал проинформировать дознание по поводу того, что «дом графа Толстого охраняется в ночное время значительным караулом, а из кабинета и канцелярии устроены потайные двери и лестницы», Лев Николаевич не выдержал и стал хохотать:

— Даже не верится, что все это было, — сказал он, — я знал самого Долгорукова. Предобрейший был человек, но весьма ограниченный.

Чуть погодя Лев Николаевич добавил:

— Нельзя себе представить более чуждого политике, чем я был в те времена. Эта обширность «Дела» — 53 номера (страницы. — В. Ч.), участие в нем министров, царя мне подтверждают, какое количество глупостей делает теперь правительство...

Секретная миссия студента Симона

В начале лета 1886 года в деревне Ясная Поляна в избе одного из дворовых графа Толстого появился новый постоялец — студент из Петербурга Федор Симон. Вместе с ним приехала его невеста Зиночка, молодая энергичная барышня. Знакомый Симона А. С. Буткевич в своих воспоминаниях так описывал его внешность: «Красивое, женское лицо с большими, ясными, карими глазами, лишенными растительности, и вся его стройная фигура могла служить прекрасной натурой для изображения воплотившегося ангела Михаила в легенде Толстого „Чем люди живы“. Такой же мягкий и женственный в разговоре, он был воплощенной мягкостью».

Почему именно в это время появился тайный агент полиции и почему он прибыл не из Тулы или Москвы, а из самого Петербурга?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует заглянуть в анналы Московского охранного отделения. Архивные материалы свидетельствуют, что в сентябре 1882 года за Толстым был учрежден негласный полицейский надзор «вследствие его сношений с сектантами-пашковцами». Циркуляр Департамента полиции за № 1202 предписывал: в случае приезда графа Толстого в Москву учредить наблюдение за ним, чтобы он не распространял здесь своего учения, а в случае нарушения им «изложенного выше запрещения немедленно о том донести».

На основании этого циркуляра пристав 1-го участка Хамовнической части Москвы Давыдов уже 4 октября 1882 года сообщал в охранку, что Толстой приобрел «во вверенном ему участке собственный дом, куда и прибыл на жительство». К рапорту пристав прилагал первую поднадзорную ведомость. Спустя четыре года, а точнее, 1 марта 1886 года секретным приказом № 33 негласный надзор полиции с Толстого был снят.

В апреле 1886 года Департаментом полиции «из совершенно негласных источников» были получены сведения, что в доме графа Толстого, проживающего в Москве, якобы имеется типография, где он печатает свои запрещенные сочинения. Действительно, в этот период Россия была наводнена запрещенными гектографическими произведениями Льва Толстого. Директор Департамента полиции П. Н. Дурново незамедлительно направил московскому обер-полицмейстеру А. А. Козлову секретное предписание, в котором требовал проверить «самым секретным образом, в какой мере изложенное известие заслуживает вероятия». Генерал Козлов сообщил ему, что заявления о тайной типографии в доме графа Толстого поступали несколько раз, «но путем негласного наблюдения и секретных разведок известия эти не подтвердились».

Не успел главный полицейский Москвы отправить ответ, как получил новое указание из Петербурга.

«Милостивый Государь Александр Александрович! — писал Дурново. — В Департаменте полиции получены сведения, что среди лиц, сочувствующих учению графа Толстого, возникло предположение отлитографировать в течение *предстоящего лета* в значительном количестве экземпляров тенденциозные произведения этого автора, как-то: „Евангелие“, „Исповедь“, „В чем моя вера“, „Что нам делать?“, „Церковь и государство“, „Письмо к Энгельгардту“. Издание это предназначается к распространению в среде слушательниц высших учебных заведений, среди которых уже проводится подписка на оное. Считаю долгом сообщить о сем Вашему Превосходительству для принятия зависящих мер. Имею честь покорнейше просить не оставить меня своим уведомлением о последующем» (курсив мой. — В. Ч.)

В ответном послании генерал Козлов уведомил начальство о «принятии им надлежащих мер к обнаружению лиц, желавших заняться подобным изданием», хотя попутно не без некоторой иронии заметил, что вышеизложенные сочинения Толстого «настолько распространены между учащейся молодежью, что едва предоставляется надобность в новом издании их».

Ответ московского обер-полицмейстера, видимо, не удовлетворил Департамент полиции, поэтому спустя несколько недель в Ясной Поляне и появились «гости» из самого Санкт-Петербурга. Студенту Федору Симону, секретному сотруднику столичной охраны, предстояло узнать, не находится ли эта тайная типография в имении графа Толстого.

Перед отправкой в Ясную Поляну своего агента столичные охранники разработали для него простую и вполне правдоподобную легенду: он студент, под влиянием учения Толстого решил «омужичиться», вместе с невестой прибыл жить в деревню, чтобы познать крестьянский труд. Предполагалось «подойти» к Толстому

с помощью его сына-гимназиста Ильи, находящегося в это время в Ясной Поляне. Поэтому перед Симоном стояла задача: познакомиться сначала с молодым графом, а потом уже через него — с самим Толстым. Для знакомства с сыном писателя заранее была предусмотрена оперативная комбинация, о которой мы узнаем из рассказа самого Ильи Львовича Толстого.

«Как-то летом, — пишет он в своих воспоминаниях, — гуляя по саду, мы натолкнулись на молодого человека, сидящего у канавы и спокойно курящего папирску. Наши собаки кинулись к нему и залаяли. Мы исподтишка потравили собак, а сами убежали в другую сторону. Через несколько дней этот же молодой человек встретился с нами опять на дороге недалеко от дома. Увидев нас, он приветливо поздоровался и вступил с нами в разговор. Оказалось, что он поселился в деревне, в избе одного из наших дворовых, и живет здесь на даче со своей невестой..»

— Заходите попить чайку, — обратился он ко мне, — мне скучно, посидим, поболтаем, я вам кое-что расскажу, и, кстати, вы поможете мне в одном деле. Я на днях собираюсь жениться, а у меня нет шафера. Я надеюсь, что вы не откажете сделать мне это удовольствие».

Предложение молодому графу показалось заманчивым, и он после недолгого колебания согласился. Через несколько дней Симон настолько сумел очаровать его, что они стали закадычными друзьями. Не проходило дня, чтобы Ильи Львович не захаживал в гости к Симону, засиживаясь у него иногда допоздна. В день свадьбы он, очень гордившийся ролью шафера, отпросился у родителей на целый день и вместе с молодыми отправился в церковь. После венчания они обедали у Симона, и молодой граф пил за здоровье молодых сладкую наливку, не забывая кричать «Горько!».

Увлечение Ильи Львовича новыми знакомыми не прошло незамеченным для Софьи Андреевны. Она все настойчивее стала сдерживать сына от посещений молодоженов.

— Не смогу я пускать сына к человеку, которого вовсе не знаю, — отчитывала она Илью. — Всякий порядочный человек, принимающий у себя мальчика, должен по правилам приличия прежде всего познакомиться с его родителями.

Графиня, конечно, не догадывалась, что именно этого и добивался Симон. Когда Ильи Львович передал ему просьбу матери, того не пришлось долго упрашивать. На следующий день они посетили имение, где Симон представился Софье Андреевне. Затем его познакомили с Львом Николаевичем, и Симон стал часто навещаться в графский дом. К нему привыкли и принимали, по словам Ильи Львовича, «просто и ласково, как своего человека».

С Львом Николаевичем Толстым у Симона сложились самые дружеские отношения. Вместе с ним он косил траву, рубил дрова, пахал землю, помогая крестьянам. Посещая имение Толстого, Симон общался с друзьями и единомышленниками Льва Николаевича, которые приезжали навестить писателя. Был среди них и художник Н. Н. Ге, посетивший в начале августа Ясную Поляну и проживший там более месяца. Лев Николаевич видел в Симоне последователя своего учения и относился к нему с особой нежностью и любовью.

Знакомый Симона и последователь Толстого И. Б. Файнерман, вспоминая этот период, пишет: «Прошло три месяца. Симон втянулся в работу, ходил с крестьянами в поле, косил, пахал с ними, рубил лес, ездил в город на базар с сеном, с дровами, с картошкой».

— Простецкий малый, — говорили о нем крестьяне.

— Только уж шуплый больно. Того гляди, вот-вот переломится.

— И что ему за охота? — подхватывали другие. — Учится в институте, баринном бы вышел, лесничим бы жил, а то тоже мужиковать вздумал! Где ему!..

...У Льва Николаевича бывал он часто и первое время совсем не читал его книг.

— Он сам для меня книга, — говорил он мне. — Поверьте, я ехал с другими мыслями, думал пробыть короткий строк и вернуться; но близость к этому человеку меня просто преображает. Меня тянет и тянет жить здесь всегда. Я об этом уже сказал своей Мусе (читай: Зине. — В. Ч.) и написал родным. Я рву с прошлым и делаюсь мужиком...»

По всей вероятности, такое решение Симон принял в начале сентября. В том, что в Ясной Поляне нет и никогда не было тайной типографии, он давно убедился. Однако общение с Толстым открыло ему глаза на многие вещи, заставив переосмыслить всю свою прежнюю жизнь. Искренне увлекшись «толстовством», Симон после долгих душевных терзаний объявил родным и близкому окружению, что бросает институт и навсегда остается жить в деревне.

Для жены Симона признание супруга было неожиданным. Поначалу она пыталась убедить мужа отказаться от принятого решения, но когда уговоры не помогли, разыграла сцену с отравлением, и Симон сдался. Заняв денег у Толстого, он в середине октября вместе с женой уехал в Петербург. Спустя несколько дней Лев Николаевич сообщал в письме художнику Н. Н. Ге: «Симон уехал, его жена увлекла... Какой чудный человек. Весь светится и горит. Тоже за него жутко, когда помотришь с мирской точки зрения, а перенесешься в его душу, то так радостно и твердо».

Из Петербурга Симон посылал в Ясную Поляну письма, а Толстой в свою очередь передавал через друзей «Симону милому» поцелуи. Осенью 1887 года Лев Николаевич получил письмо, в котором Симон признавался, что является... тайным агентом полиции и был командирован в Ясную Поляну следить за ее жильцами и посетителями.

В своих воспоминаниях И. Б. Файнерман так описывает это событие: «Прошла зима, пролетело еще лето, и вот на пути из Смоленской общины я заезжаю ко Льву Николаевичу. Он грустный-грустный и держит письмо в руках.

— Вы помните, вероятно, того студента, что жил здесь и работал? — сказал Лев Николаевич. — Потеряли мы его! Пишет ужасное письмо, где рассказывает все, всю свою страшную тайну. Он — шпион. Да и был шпионом, когда жил здесь. Ему поручили следить за нами и все доносить. Он жену любил, нужны были деньги, и она благословила его на эту должность. Но, живучи здесь и увидя нас ближе и убедившись, что не о чем доносить, и, будучи тронут новым взглядом на жизнь, он искренне увлекся и на самом деле захотел жить другой жизнью... Но тут опять жена стала на пути. Она увидела, что он службы своей не исполняет, денег лишился и может еще подвергнуться гонению со стороны тех, вот и разыгралась тогда сцена с отравлением. Вся эта история с родителями была придумана. Родители-то, оказывается, были их патроны по сыскной части, и те, действительно, осердясь, перестали им посылать деньги за бездеятельность. Плохо работали. Потом, когда они приехали в Петербург и он опять попал в институт, она примирила его с сыскным начальством и заставила вновь записаться в это черное число. Теперь, — пишет он, — он следит за другими, его обязанности другие, и нам про себя может откровенно все рассказать. Жизнь его надломлена... Душа убита... Вот прочтите. Какой ужас! Какой ужас!..

И он передал мне письмо. Я не мог читать его. Меня душили негодование и скорбь. Лев Николаевич отвернулся.

— Погибшая душа! — вздохнул он. — Думаю написать ему...»

И все же Симон нашел в себе мужество порвать с охранкой. В письме от 25 января 1888 года он сообщал Толстому: «Волей-неволей, попав в центр борьбы страстей, я не мог оставаться покойным зрителем стонущих, что-то живое во мне начинало так же стонать и болеть и я пошел в борьбу... У меня был обыск, меня пре-

следуют по пятам...» Вскоре Симон вынужден вместе с семьей покинуть Петербург и уехать в Бирский уезд Уфимской губернии, где устроился работать помощником лесничего. С нового места жительства он продолжал посылать письма в Ясную Поляну. В августе 1908 года, в день своего 80-летия, Лев Николаевич получил поздравительную открытку с надписью: «Искренне желаю еще много лет чувствовать Ваши удары по нашей совести». Это была последняя весточка от бывшего секретного сотрудника тайной полиции Феде Симона.

В заключение уместно будет сказать что проведенное ранее автором статьи исследование дает все основания утверждать, что Симон был одним из прототипов Протасова в незаконченной драме Л. Н. Толстого «Живой труп». Ведь к нему можно с полной уверенностью отнести слова писателя, задумавшего вывести в «Живом трупе» образ «отличной души человека... запутавшегося, падшего до презрения только от доброты». Именно сочетание высокого и низкого в Феде Симоне роднит его с Федей Протасовым¹.

Секретный сотрудник «Лебедев» сообщает...

Весной 1882 года Лев Николаевич Толстой по настоянию жены, озабоченной необходимостью дать образование старшим детям, приехал в Москву, где вскоре у коллежского секретаря И. А. Арнаутова купил дом в Долгохамовническом переулке. В нем он прожил почти 20 лет, выезжая лишь на летние месяцы в Ясную Поляну. Сюда, в этот небольшой деревянный особняк в Хамовниках, огороженный дубовым забором с воротами, увенчанными резными буквами «ГТ» (Граф Толстой), приходили не только литераторы и художники, ученые и артисты, но и все, кто хотел увидеть и поговорить со знаменитым русским писателем.

Секретарь Льва Николаевича В. Ф. Булгаков, исследуя историю хамовнического дома Толстых, среди его многочисленных посетителей называет телеграфиста Сергея Зубатова. Советский энциклопедический словарь указывает: «Зубатов Сергей Васильевич (1864—1917), жандармский полковник, нач(альник) Моск(овско-го) охранного отделения (с 1896) и Особого отдела департамента полиции (1902—1903), инициатор политики „полицейского социализма“ в России (См. Зубатовщина) и создатель системы политического сыска».

Заметим, что С. В. Зубатов никогда не был жандармским полковником, что продолжают утверждать многие современные солидные издания². Еще в юности он был признан невоеннообязанным из-за плоскостопия, поэтому среди начальников охранных отделений он один имел гражданский чин надворного советника.

Что привело печально знаменитого сыщика в дом Льва Толстого и когда это произошло? В. Ф. Булгаков не дает ответа на эти вопросы, относя Зубатова к числу посетителей, даты визитов которых не установлены. При этом автор высказывает надежду, «что при дальнейшем углубленном изучении материалов многих из этих посетителей удастся датировать более определенно».

Нам представляется, что посещение Зубатовым московского дома писателя следует отнести к концу 1887 года. Именно в это время многие москвичи стали обладателями нелегально отпечатанного на гектографе рассказа Л. Н. Толстого «Николай Палкин», поражавшего своей неприкрытой ненавистью к коронованным особам и к самодержавию в целом. С чувством нескрываемого отвращения Толстой писал

¹ См.: Владимир Чисников. Федя Протасов — агент Охранки?! Загадка пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп» // Нева. — 2013. — № 1. — С. 211—225.

² См., например: Большая энциклопедия. В 62 т. М.:Терра, 2006. Т. 18. С. 140; Колпакиади А., Север А. Спецслужбы Российской империи: Уникальная энциклопедия. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 623 и др.

о Петре I, называя его «беснующимся, пьяным, сгнившим от сифилиса зверем», резкую характеристику получили Екатерина II — «мужеубийца, ужасающая своим развратом блудница» — и Николай I, которого народ за его жестокость окрестил «Палкиным». Распространителем «Николая Палкина» был знакомый Толстого, в то время горячий его последователь, молодой преподаватель московской гимназии Михаил Новоселов. Получив недавно написанный писателем рассказ, он переписал его, а затем без согласия Льва Николаевича отгектографировал. Среди друзей Новоселова были студент Московского университета Лев Маресс и тульский телеграфист Митрофан Темерин, с которыми он и поделился новым произведением Толстого. Темерин в свою очередь дал почитать один экземпляр статьи коллеге из московского телеграфа Сергею Зубатову, не подозревая, что его знакомый является секретным сотрудником московской охранки (оперативный псевдоним «Лебедев»).

Естественно, о появлении «крамолы» сразу же стало известно жандармам. При этом Зубатов прибавил для пущей важности кое-что от себя. «Митрофан Темерин, близкий к кружку бывшего студента московского университета Михаила Новоселова, — сообщалось в справке Департамента полиции, — говорил секретному сотруднику Московского охранного отделения Лебедеву, что «означенный кружок отгектографировал брошюру графа Толстого „Николай Палкин“ и воззвание по поводу приговора над крестьянами в Пензе, а также, что граф Толстой говорил, будто бы ему, Темерину, что в Петербурге, среди лиц, близко стоящих ко двору, существует якобы заговор на жизнь государя императора и что это дело будет почище 1-го марта».

Информация секретного сотрудника требовала срочной агентурной разработки. С этого времени Лев Толстой, его близкие и знакомые стали объектами самого пристального внимания со стороны тайной полиции. Филерское наблюдение, установленное за домом Толстого, давало возможность выявлять лиц, приходивших к писателю, но знать, о чем они беседуют, охранке было еще важнее. Спустя некоторое время среди «темных» (так С. А. Толстая называла «толстовцев») в хамовническом доме Толстых появился молодой человек с энергичным интеллигентным лицом, говоривший мягким, вкрадчивым голосом. Красивые каштановые волосы, зачесанные назад, подчеркивали его высокий лоб, и только угреватое лицо портило приятное впечатление. Этим молодым человеком был московский телеграфист Сергей Зубатов.

Знакомый писателя Л. П. Никифоров вспоминал: «Зубатов приходил, конечно, не для того, чтобы поучиться у Толстого или чтобы наслаждаться беседой с ним. Нет, он просто появился, чтобы пронюхать и чем-нибудь поживиться, а это было не трудно, так как толстовцы ничего не скрывали и делились всем, что было у них на душе, и подробно сообщали все, что делали и собирались делать».

Далее Никифоров пишет, что к Новоселову и к его приятелю Льву Николаевичу Марессу начали приходиться какие-то господа с предложением продать двести экземпляров «Николая Палкина» для газеты «Русская мысль». Новоселов им ответил, что он не продает, а может дать только несколько экземпляров. Одновременно с этим Новоселов стал получать какие-то странные письма. Закончилось все тем, что накануне нового 1888 года Новоселов, Маресс и еще несколько их знакомых были арестованы. При обыске у них нашли запрещенную литературу, в том числе и гектографированный рассказ «Николай Палкин». Узнав об аресте Новоселова, Толстой отправился к начальнику Московского ГЖУ И. Л. Слѣзкину и заявил ему, что преследования за распространение «крамолы» должны быть прежде всего направлены против него как автора статьи. В ответ жандармский генерал сказал фразу, ставшую впоследствии крылатой: «Граф! Слава ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли ее вместить!»

В ходе расследования жандармы установили, что Зубатов являлся активным участником распространения нелегальных изданий. Именно он снабжал обвиняемого Темерина запрещенными произведениями «Сказка о четырех братьях», «Житие Тихона Задонского» и т. д. Кроме того, он предлагал Темерину заняться гектографированием рукописи «Учение духовных христиан», обещая выдавать ежемесячно 25 рублей на расходы.

На допросах Зубатов вину свою отрицал, указывая, что его «революционная» деятельность происходила согласно инструкциям начальника московской охранки Н. С. Бердяева и Департамента полиции. «Он, Зубатов, — говорится в „Справке об агентурной деятельности и службе С. В. Зубатова“, — вступил в сношения с революционной средой, но с единственной целью, чтобы успешнее раскрыть преступные замыслы врагов существующего государственного строя».

По окончании жандармского дознания министр юстиции предложил подвергнуть Зубатова гласному надзору полиции по месту жительства на два года. Однако Департамент полиции признал целесообразным дело в отношении «Лебедева» прекратить «ввиду оказанных им правительству услуг», что и было сделано. Новоселов и его друзья из-под стражи были освобождены и подвергнуты административному надзору. Зубатов же как секретный сотрудник для охранки был потерян, так как о его предательстве стало известно революционерам. Поэтому в январе 1889 года появился приказ московского обер-полицмейстера, согласно которому в штат московской полиции определялся по найму с прикомандированием к охранному отделению «отставной телеграфист 3-го разряда из обер-офицерских детей Сергей Васильевич Зубатов».

По служебной лестнице недоучившийся гимназист подвигался быстро и легко. Вначале занимал должность чиновника особых поручений, затем — помощника начальника, а в 1896 году сменил Бердяева, проигравшего в карты значительную сумму казенных денег. Возглавив московскую охранку, Зубатов осуществил ряд нововведений в систему политического сыска, поставив розыск по западноевропейскому образцу. Он ввел систематическую регистрацию, фотографирование, еще в 1894 году создал «летучий филерский отряд», который охотился за революционерами по всей России. По инициативе Зубатова в 1902 году во многих городах империи была организована целая сеть охранных отделений.

Особого успеха Зубатов достиг в постановке «внутренней», то есть секретной агентуры, усиленно практикуя вербовку провокаторов из среды революционеров. Не случайно в своих выступлениях делегаты II съезда РСДРП называли Москву «гнездом провокаторства».

Мастер агентурных комбинаций, Зубатов был особо щепетилен в вопросах конспирации. Сам побывавший в «шкуре» секретного сотрудника и провалившийся из-за неумелого руководства Бердяева, он на всю жизнь запомнил горький урок, связанный с «крамольной» статьей Льва Толстого, положившей конец его провокаторской деятельности. «Вы, господа, — поучал Зубатов молодых офицеров охранки, — должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный шаг — и вы ее опозорите. Помните: провал сотрудника для вас лишь некоторые неприятности по службе, для него же — это смерть гражданская, а часто и физическая. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму».

Служебные обязанности Зубатова нередко заставляли его «соприкасаться» с Толстым и его единомышленниками. Причем наблюдение за ними не ограничивалось только Москвой, а простиралось и за ее пределы, в том числе и Ясную Поляну. Конечно, посещать писателя в качестве «гостя» Зубатов уже не мог. Эту возможность он предоставлял своим подчиненным. В июле 1897 года Департаменту

полиции из негласных источников стало известно, что Лев Николаевич якобы поехал к духоборам и «его очень торжественно встречали в Одессе». Получив из Петербурга указание, проверить, где именно в настоящее время находится Толстой, Зубатов срочно направил в Ясную Поляну секретного сотрудника, фамилия которого до настоящего времени остается неизвестной. «Граф Л. Н. Толстой, — доносил Зубатов начальству после возвращения агента, — в начале текущего месяца находился в своем имении Ясная Поляна, где был занят отработкой одного из новых своих произведений. В Москву же за последнее время Толстой не приезжал и в настоящий момент на жительство в здешней столице он не значится». Сведения охраны были точны. Именно в то время Лев Николаевич действительно работал над романом «Воскресение».

Иногда Зубатову все же приходилось признавать свое сыскное бессилие. В сентябре 1889 года жандармами было перлюстрировано письмо В. А. Маклакова, в котором он сообщал Толстому, что в адрес писателя получено десять тысяч рублей на благотворительные цели. В Петербурге пожелали установить личность бывшего обладателя такой крупной суммы. С этой просьбой Департамент полиции обратился в Московское охранное отделение. Получив запрос, Зубатов с присущей ему пунктуальностью в тот же день ответил, что «лицо, представившее... в распоряжение графа Льва Николаевича Толстого 10 000 рублей, выяснить до сего времени не представилось возможным».

В секретных делах московской охраны имелись и другие материалы, в которых неоднократно упоминалось имя Толстого. В 1900 году в Москве было арестовано несколько «толстовцев» за распространение запрещенных цензурой произведений писателя. Из допросов жандармы узнали, что нелегальную литературу они получили в Ясной Поляне, куда ездил один из арестованных. При этом он не скрывал от Льва Николаевича, что будет перепечатывать их. Чтобы судить «толстовцев», надо было привлекать к ответственности и всемирно известного писателя, но он был не по зубам Зубатову. «Мы все в отделении слышали не раз, — писал бывший сотрудник московской охраны А. И. Спиридович, проводивший дознание по этому делу, — что существует высочайшее повеление, дабы графа Льва Николаевича Толстого не трогать ни в коем случае». Поэтому арестованные вскоре были освобождены и подвергнуты административному наказанию.

Спустя год по указанию начальника особого отдела Департамента Л. А. Ратаева Зубатов занимался выяснением обстоятельств встречи автора «Войны и мира» в Харькове. В секретном донесении от 18 сентября 1901 года Зубатов, в частности, докладывал, что, по сообщениям филеров, 6 сентября на харьковском вокзале собралось 50—60 человек, ожидавших поезда из Курска, прибывшего в 18 час. 50 мин. В одном из вагонов находился Лев Толстой, ехавший в Крым, которого встречающие приветствовали криками: «Ура!.. Да здравствует Лев Толстой!», размахивая фуражками и бросая их вверх. Лев Толстой при этом раскланивался из вагона публике.

«Эта сцена продолжалась до самого отхода поезда, — пишет далее Зубатов, — после чего толпа разошлась в разные стороны. Некоторые студенты входили в вагон, занимаемый Толстым, и по выходе объяснили что-то публике. Перед приходом поезда собравшаяся публика делала какую-то подписку между собою на листе бумаги, передавая таковой один другому для подписи».

Будучи инициатором политики «полицейского социализма», Зубатов пытался разложить революционное рабочее движение изнутри, создавая легальные рабочие общества, которые предъявляли предпринимателям исключительно экономические требования, игнорируя политическую борьбу и поддерживая царизм. Еще в 1898 году он составил докладную записку на имя московского обер-полицейстера Д. Ф. Трепова, где впервые изложил свои мысли относительно легализации рабочих союзов.

На основании записки был подготовлен доклад, представленный московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу, который его одобрил.

Любопытно, что копия этого доклада вскоре оказалась у Льва Николаевича Толстого. Зять писателя М. С. Сухотин в своем дневнике писал 18 декабря 1901 года: «Я помню, что год или два тому назад, мне Л. Н. Толстой дал прочесть доклад Трепова, сделанный Сергеем Александровичем о рабочем движении. Написан он был известным начальником охраны Зубатовым и неведомым путем попал в руки Л. Н.».

Как известно, зубатовские организации вскоре потерпели крах. Сам Зубатов, возглавлявший в то время особый отдел Департамента полиции, в 1903 году был уволен со службы и сослан под надзор полиции во Владимир. Находясь в отставке, он продолжал жить проблемами политического сыска, не забывая агентуру, служившую ему верой и правдой. Например, бывший охранник ходатайствовал о выдаче «княжеской пенсии» старейшей агентессе московской охранки Анне Серебряковой («Дама Туз», «Мамочка») и содержательнице конспиративной квартиры в Москве Прасковье Ивановой, которую в течение двадцати пяти лет знал не только как «чудную конспиративную квартирную хозяйку, но и прекрасную воспитательницу молодых агентурных сил».

Зубатов также заботился, чтобы богатый агентурный опыт провалившихся секретных сотрудников передавался молодым, начинающим провокаторам. После разоблачения в 1909 году провокаторши Зинаиды Жученко-Гернгросс («Михеев») он советовал ей: «... не устроиться ли вам официально при департаменте в качестве руководительницы и воспитательницы секретной агентуры? Выведите мне, пожалуйста, агентурных внучат».

Было бы наивно думать, что забота о разоблаченных секретных сотрудниках диктовалась только одной лишь благодарностью. Зубатов и руководство Департамента полиции прекрасно понимали, что как ни предусмотрительны и осторожны жандармы в отношении своих агентов, как тщательно ни скрывают они свои приемы и методы — все же секретный сотрудник многое видит и знает. Если от него отвернуться в такой трудный момент, то ему, как говорится, терять нечего: тайны охранки могут стать достоянием гласности. Деньги — лучшее средство заставить его молчать.

Сам Зубатов, надо отдать ему должное, молчать умел, получая за свою долголетнюю верную службу солидную пенсию — 5 тысяч рублей в год. В 1908 году редактор журнала «Былое» В. Л. Бурцев пытался его «разговорить», предлагая писать мемуары. «Писать заметки или воспоминания по моей службе я не считал и не считаю себя вправе, — отвечал ему Зубатов. — Мало того, агентурный вопрос (шпионский, по терминологии других) для меня святая святых, а его так легко задеть (и при этом кого-нибудь этим избидеть) в своих воспоминаниях. Для меня сношения с агентурой — самое радостное и милое воспоминание. Большое и трудное это дело, но как при этом оно и нежно».

Во Владимире опальный охранник прожил семь лет. К этому времени его восстановили во всех правах, сняли полицейский надзор, разрешили проживать в столицах. В 1910 году он вместе с женой и сыном переехал на постоянное место жительства в Москву, поселившись в доме № 28 по ул. Пятницкой. Желавшие даже могли позвонить ему по телефону 349-38. До конца своих дней Зубатов оставался убежденным монархистом, веря, что «без царя не может быть России». 3 марта 1917 года, получив известие об отречении императора Николая II, он застрелился в своем рабочем кабинете, боясь, видимо, суда рабочих, обещавших еще в 1900 году «повесить его на одном из московских фонарей». Так бесславно покончил с жизнью один из посетителей хамовнического дома Толстого, бывший секретный сотрудник московской охранки Сергей Зубатов.

«Бывший Тульской Жандармерии Шпион...»

В марте 1896 года в Туле жандармами была арестована врач Мария Александровна Холевинская, обвиняемая в распространении запрещенных произведений Л. Н. Толстого. Одновременно с ее арестом начальник Тульского ГЖУ полковник Миллер возбудил ходатайство перед Департаментом полиции о привлечении к дознанию в качестве обвиняемых графа Льва Толстого как автора найденных преступных рукописей, а также его дочь Татьяну как распространительницу. Однако Департамент полиции своим циркуляром от 1 апреля 1896 года предписывал, что «ввиду особого занимаемого графом Толстым положения в качестве знаменитого отечественного писателя, возбуждение против него преследования... может повлечь за собою крайне нежелательные последствия», а поэтому по согласованию с Министерством юстиции привлечение Толстого и его дочери к дознанию по делу Холевинской «признается в настоящее время нежелательным».

Несмотря на такое указание из Петербурга, полковник Миллер не терял надежды отыскать новый компромат против Толстого. В начале мая в Ясную Поляну был командирован секретный агент Иван Егоров (из запасных фельдфебелей), который шесть раз в течение трех недель приезжал в имение Толстых, а также в деревню Ясенки, где расспрашивал крестьян об их беседах с графом, фиксировал всех посетителей Ясной Поляны. К большому сожалению жандармов, отыскать какую-либо «крамолу» в действиях Толстого сыщику не удалось. Тогда полковник Миллер решил осуществить более сложную агентурную комбинацию.

В конце мая 1896 года в Ясной Поляне появился молодой человек, назвавшийся Прокофием Кирилловым, рабочим из Тулы. Сначала он попросил Льва Николаевича дать ему почитать книги, а спустя несколько дней — и запрещенные цензурой его статьи.

Просьба Кириллова была удовлетворена, и он от дочери писателя Марии Львовны получил «Учение 12 Апостолов», «Гонение на христиан», «Царство Божие...» и другие запрещенные цензурой статьи Толстого.

Из разговоров с новым знакомым Лев Николаевич понял, что тот по своим убеждениям «нигилист и атеист». Их беседы нередко заканчивались жаркими спорами. «Я от всей души говорил ему все, что думаю», — писал впоследствии Толстой.

Жарким июньским днем Кириллов последний раз нанес визит в Ясную Поляну. Зайдя в кабинет писателя, он передал Толстому записку и сказал: «Прочтите, Лев Николаевич, а потом скажите, что вы обо мне думаете».

Толстой, ничего не подозревая, стал читать и был поражен ее содержанием. В записке говорилось, что податель ее является жандармским унтер-офицером, которого начальник Тульского губернского жандармского управления подослал к Толстому с целью выяснить, что делается в Ясной Поляне. Далее Кириллов сообщал, что он понял «гнусность своей роли», и поэтому ему стало «нравственно невыносимо», и он во всем признается Толстому. Со слов С. А. Толстой, раскаявшийся жандарм якобы говорил: «О чем я буду доносить?... Здесь все живут как святые...»

Композитор С. И. Танеев, гостивший в это время в Ясной Поляне, отметил 6 июня в своем дневнике, что Лев Николаевич за ужином рассказал о человеке, который брал у него книги, а сегодня признался, «что он шпион, посланный жандармским полковником».

О чем именно говорил писатель с Кирилловым, прочтя записку, неизвестно. 8 июня Толстой в своем дневнике об этом событии оставил краткую запись: «Третьего дня был жандарм-шпион, который признался, что он подослан ко мне. Бы-

ло и приятно и гадко». На следующий день в письме к сыну Льву он сообщал, что от этого признания ему «было и жалко, и гадко, и приятно». Софья Андреевна, комментируя слова мужа, писала: «То, что правительство приставило его (Кириллова. — В. Ч.) к должности шпиона, было противно Льву Николаевичу, но, с другой стороны, раскаяние и признание жандарма в том, что он делает дурное дело, доставило Льву Николаевичу радость».

Вскоре Толстой получил от Кириллова письмо, в котором тот сообщал, что губернское начальство, узнав о случившемся, уволило его «со службы шпионов в дисциплинарном порядке» и теперь он средств к жизни не имеет и не знает, что ему делать. Далее он просил писателя помочь ему «в первом шаге на трудовую жизнь», то есть найти работу. Лев Николаевич откликнулся на просьбу бывшего жандарма и переговорил с владельцем московской типографии Ф. Ф. Рисом, который обещал трудоустроить Кириллова и найти жилье для его семьи — жены и ребенка. Однако Кириллова работа в Москве не устраивала, и он, забрав семью, уехал на юг.

Спустя год Толстому пришло письмо из Одессы. «Хлеба доставать я научился, — писал Кириллов, — и, благодаря Вашим добрым советам, превратился из лежебоки и трутня в рабочего». Описывая свои перипетии, он просил Льва Николаевича прислать ему несколько брошюр, так как от «жажды духовной и без умственной пищи» он приходит в «оцепенелое состояние». Письмо было подписано: «Бывший Тульской Жандармерии Шпион — П. Кириллов».

Большое значение факту раскаяния жандарма придавали последователи Толстого, видя в нем торжество толстовских идей и их очищающее влияние на «заблудшихся».

И. М. Трегубов в письме от 2 июля 1896 года писал Льву Николаевичу: «На днях я узнал, как к Вам ходил переодетый жандарм и как он потом покаялся в своем грехе. Это — чудо, и я убедительно прошу Вас записать или рассказать кому другому и попросить его записать все, что произошло с первого появления этого жандарма до последнего его слова и движения... Еще и еще подтверждение того, что Царство Божие близко». Однако просьба Трегубова осталась неисполненной. Хотя есть все основания предполагать, что именно этот случай из жизни Толстого должен был лечь в основу рассказа «Шпион кается», который Лев Николаевич намеревался написать для «Круга чтения». К сожалению, замысел писателя так и остался нереализованным³.

«Фотограф-любитель» Владимир Кривош

Ранним утром 7 февраля 1897 года к дебаркадеру столичного Николаевского вокзала прибыл скорый поезд Москва—Санкт-Петербург. Никто из редких встречающих не обратил внимания на вышедших из вагона второго класса четверых пассажиров, среди которых выделялся среднего роста старик с окладистой, совершенно белой бородой, одетый в обыкновенный мужицкий полушубок, подпоясанный кушаком. Круглая войлочная шапка, надвинутая почти на уши, крепко держалась на его голове.

В таком одеянии нетрудно было узнать «яснополянского старца» — Льва Николаевича Толстого, приехавшего попрощаться со своими друзьями и последователями В. Г. Чертковым и П. И. Бирюковым, высылаемыми из столицы царским правительством в административном порядке за их деятельность в защиту духоборов. Вместе с писателем прибыли его жена Софья Андреевна, дочь Татьяна и сотрудник издательства «Посредник» И. И. Горбунов-Посадов.

³ См.: Владимир Чисников. «Шпион кается». Ненаписанный рассказ Льва Толстого для «Круга чтения» // Нева. — 2014. — № 2. — С. 194—200.

В Петербурге Лев Николаевич находился почти неделю, то есть по 12 февраля. В один из этих дней знакомый В. Г. Черткова словак Владимир Кривош сделал на память несколько любительских фотоснимков. На одном из них Толстой запечатлен во дворе дома Чертковых вместе с друзьями и знакомыми, среди которых были два словака: Альберт Шкарван и Владимир Кривош. То, что фотосъемка производилась Кривошем, установлено достоверно из воспоминаний современников — очевидцев тех событий. Кроме того, на обороте одной из «толстовских» фотографий, хранящейся в Пушкинском Доме, имеется штамп «Фотограф-любитель Кривош». Точная же дата фотографирования до недавнего времени оставалась неизвестной. В различных изданиях, где помещена репродукция этого снимка, как правило, указывается: «февраль» или «7–12 февраля» 1897 года, то есть время пребывания писателя в Петербурге. Проведенное нами исследование дало основание утверждать, что Владимир Кривош фотографировал Льва Николаевича Толстого в кругу друзей и знакомых 8 февраля 1897 года⁴.

Личность автора петербургских фотографий Льва Толстого Владимира Кривоша толстоведам хорошо знакома, хотя в именном указателе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого (Юб. изд.) его фамилия не упоминается. Родился В. И. Кривош (1865–1942) в Венгрии, в середине 80-х переехал в Россию, приняв русское подданство, знал 24 языка, служил цензором иностранных газет и журналов петербургского почтамта, во время Первой мировой войны был переводчиком в штабе генерала Брусилова. По подозрению в шпионаже был арестован контрразведкой, однако следствие вину его не доказало. По решению властей был «оставлен в подозрении» и выслан в Сибирь, откуда вернулся только после падения самодержавия. После прихода к власти большевиков работал в Наркомате иностранных дел, ВЧК—ОГПУ. Вторую половину 20-х годов «провел» на Севере (Соловках). Вернувшись, проживал в Москве. Осенью 1941 года был эвакуирован на Урал, где и умер.

А теперь попробуем реконструировать события тех далеких дней начала 1897 года. В двадцатых числах января словак-толстовец Шкарван поселяется в доме Черткова, за которым установлен негласный полицейский надзор. С помощью наружного наблюдения тайной полиции известно, кто посещает опального Черткова, но неизвестно, о чем они говорят. Поэтому для внутреннего наблюдения и появляется в доме Чертковых земляк Шкарвана — тайный агент «охранки», «фотограф-любитель» Владимир Кривош.

Что касается фотографирования, то можно согласиться с утверждением исследователя Л. С. Кишкина, что именно Кривош был инициатором фотосъемки Льва Толстого в окружении друзей и знакомых во дворе Чертковых. Этот снимок, по нашему глубокому убеждению, нужен был прежде всего... «охранке», чтобы по нему сверять «рапортички» филеров, где указывались приметы наблюдаемых, с одеждою лиц, запечатленных на фотоснимке. Осуществляя фотосъемку, Кривош убивал сразу трех зайцев: делал на память «подарок» толстовцам, «увековечивал» себя (рядом с Л. Толстым!) и предоставлял «охранке» опознавательный материал.

Таким образом, имеющиеся материалы о Владимире Кривоше дают все основания утверждать, что в 1897 году он, кроме работы в «черном кабинете» петербургского почтамта, выступал также в роли секретного сотрудника спецслужб. Его появление в январе—феврале 1897 года в доме Чертковых, фотографирование Л. Н. Толстого в окружении друзей и знакомых было осуществлено с разведывательной целью по заданию Департамента полиции⁵.

⁴ См.: Владимир Чисников. Л. Н. Толстой в Петербурге в феврале 1897 года: поиски и находки // Нева. — 1916. — № 2. — С. 209–212.

⁵ Подробнее см.: Владимир Чисников. Владимир Кривош: «оставить в подозрении» // Нева. — 2008. — № 7. — С. 216–224.

**«Доносить на своих товарищей
считаю ужасным, нехорошим делом!»**

В предпасхальную субботу 17 апреля 1910 года, около двух часов дня, возле графского дома в Ясной Поляне появился очередной посетитель — молодой красивый юноша в гимназической форме.

— Что вам угодно? — спросил его секретарь писателя В. Ф. Булгаков.

— Я хотел бы переговорить с Львом Николаевичем по очень важному вопросу.

— Не могли бы вы сказать, по какому именно? — поинтересовался секретарь.

— Нет, — решительно ответил гимназист, а затем неожиданно для Булгакова спросил: — А как Толстой относится к революционерам?

Валентин Федорович, решив, что перед ним именно один из них, стал объяснять, стараясь не обидеть молодого человека, что Лев Николаевич отрицательно относится не только к правительственной деятельности, но и к революционной тоже. Такой ответ, как показалось Булгакову, вполне удовлетворил гимназиста, и он снова стал настаивать на встрече с Толстым.

Предложив юноше подождать на террасе, Булгаков зашел в дом и сообщил Льву Николаевичу о посетителе. Толстой спустился к ожидавшему гимназисту, и между ними завязалась оживленная беседа...

Каково же было удивление секретаря, когда он увидел возвращающегося писателя в очень возбужденном состоянии.

— Что с вами, Лев Николаевич? — спросил Булгаков.

— Этот юноша признался мне, что он — шпион, состоящий на службе у правительства и доносящий властям о действиях революционных кружков, с которыми близок, — с выражением ужаса на лице сообщил Толстой. — Молодой человек ожидал от меня одобрения своей деятельности, зачем и приехал ко мне.

— И что вы ему ответили?

— Я сказал ему, что доносить на своих товарищей считаю ужасным, нехорошим делом!

О необычном визите гимназиста Толстой записал в дневнике: «Вчера посетитель: шпион, служивший в полиции и стрелявший в революционеров, пришел, ожидая моего сочувствия».

Отголоски этого события нашли отражение и в дневнике домашнего доктора Толстых Д. П. Маковицкого, записавшего в воскресенье, 18 апреля, что Лев Николаевич рассказывал о бывшем у него студенте-поляке, который «был против революции и поступил на службу в полицию, в шпионы». Студент надеялся найти у писателя сочувствие, однако Толстой ответил ему, что он жалеет, что тот «дурным делом занялся».

«Блондинка» в Ясной Поляне

Лев Николаевич Толстой не давал покоя царской охранке даже после своей смерти. Не прошло и двух недель после его похорон, как начальник московского охранного отделения полковник П. П. Заварзин получил шифрованную телеграмму от директора Департамента полиции Н. П. Зуева. В ней предлагалось немедленно командировать двух опытных, толковых сотрудников в Ясную Поляну с поручением посетить могилу писателя и имение его ближайшего сподвижника В. Г. Черткова и выяснить «характер сборищ, происходящих в Ясной Поляне и у Черт-

кова». Начальник московской охранки посчитал, что для выполнения данного поручения достаточно будет и одного толкового секретного сотрудника — недавно завербованного им агента по кличке «Блондинка».

В тот же день полковник телеграфировал столичному начальству: «Исполнено. Сведения могут быть дней через пять». И хотя для «Блондинки» это было первое серьезное задание, Заварзин был уверен, что агент успешно справится с ним. Характеризуя его начальству, он писал, что «Блондинка» как литератор «безусловно правдив и весьма развит, имя же его пользуется некоторой известностью в литературных кругах Москвы, Киева и Одессы. Эти качества дают ему, при наличности желания с его стороны, полную возможность быть полезным сотрудником отделения».

В понедельник, 22 ноября 1910 года, «Блондинка» утренним московским поездом отправился в Ясную Поляну. Сбор информации он начал уже в пути: беседовал с кондукторами в вагонах, поговорил с жандармским унтер-офицером на станции Козлова Засека, расспрашивал возницу, добираясь на телеге в Ясную Поляну. «Толковые ответы, к которым можно отнестись с доверием, — писал впоследствии агент в своем донесении, — давал служащий в Тульском казначействе Василий Зябрик, гостивший в эти дни в Ясной Поляне, хозяин избы, где я остановился, — Прохор Зябрик, уравновешенный и положительный мужик, а также очень разговорчивая, а потому ценная, его жена».

Заслуживающие внимания сведения, по словам секретного сотрудника, ему удалось почерпнуть «из живой перекрестной беседы» с яснополянскими бабами и ребятишками, а также крестьянами, собиравшимися в избе Прохора Зябрика.

Посетив могилу Толстого, «Блондинка» побывал в доме, где довольно продолжительно беседовал с лакеем, Т. А. Кузьминской (сестрой С. А. Толстой), а также племянницей писателя, «которая была очень любезна и словоохотлива во время осмотра толстовского дома». Расписываясь в книге посетителей, секретный сотрудник внимательно просмотрел ее, однако в записях за последние дни недели ему «не удалось заметить мало-мальски видных имен».

Имея из Москвы рекомендательное письмо, «Блондинка» посетил домашнего врача Толстых Д. П. Маковицкого, с которым беседовал дважды. Получив от доктора рекомендательное письмо, секретный сотрудник отправился в деревню Телятинки, к Черткову, где ему был оказан «теплый доверительный прием». Кроме Черткова, он беседовал с его сыном, а также бывшим секретарем Толстого В. Ф. Булгаковым, который являлся «проверочной инстанцией услышанного от Черткова и его сына».

Чтобы охватить наблюдением наиболее обширный район, агент объехал почти все деревни, примыкающие к Ясной Поляне, побывал в сельце Ясенки, на хуторе дочери писателя Т. Л. Сухотиной-Толстой и возвратился в Москву.

Через два дня «Блондинка» представил своему шефу обширное, состоящее из трех разделов, агентурное сообщение, где очень подробно излагалась информация по всем интересующим охранку вопросам. «Могу констатировать, — отмечал агент, — что влияние идей Толстого и следы пропаганды чувствуются на каждом шагу, особенно среди деревенской молодежи». Ввиду особой ценности добытых сведений агентурное сообщение «Блондинки» было представлено лично министру внутренних дел П. А. Столыпину.

Кто же скрывался под интригующей кличкой «Блондинка»? После Февральской революции 1917 года, когда стали доступны архивы Департамента полиции, удалось установить его личность. Им оказался журналист, бывший сотрудник газеты «Киевская мысль», а затем «Русского слова» Иван Яковлевич Дриллих.

...Сохранившиеся материалы наблюдательного дела «Блондинки» дают возможность узнать о «падении» известного журналиста И. Я. Дриллиха и тех методах и тактических приемах агентурной работы царской политической полиции, которые применялись для вербовки секретных сотрудников.

Итак, в октябре 1910 года чиновниками московского «черного кабинета» было перлюстрировано письмо, отправленное из Москвы 9 октября в Киев литератору А. К. Закржевскому. Автор письма, в частности, писал своему корреспонденту: «Вы удивитесь, когда узнаете, что произошло со мной за это время. Одессу я, к счастью, окончательно оставил и теперь пишу Вам из Москвы, где я уже вторую неделю. Выбросила меня из Одессы несчастная (счастливая) случайность. За старые грехи у меня теперь очень сложные счета с администрацией (подлежу ссылке в Томскую губернию). Если бы я не улизнул из Одессы вовремя, то теперь бы уже гулял по этапу в сии неприветливые страны. Выручил, однако, случай: как раз в тот момент, когда в Одессе пришли меня арестовать, я был в Петербурге и только потому теперь на свободе. Естественно, что у меня нет ни малейшего желания быть обывателем Томской губернии, а потому я и перешел на нелегальное положение. Думаю продержаться таким образом до тех пор, пока путем страшно сложных хлопот не удастся добиться отмены ссылки. Есть надежда, что это удастся. На первое время сохраняю связи с „Одесским листком“, а там будет видно, что Бог даст. Адресуйте мне так: Москва, 9 почт. отд. до востребования. Владимиру Павловичу Матвееву».

Спустя несколько дней копия этого подозрительного письма лежала на столе директора Департамента полиции Н. П. Зуева, который наложил на нем резолюцию: «Выяснить его». Тотчас же указания установить автора письма были направлены начальникам Московского, Одесского и Санкт-Петербургского охранных отделений. И уже 14 ноября начальник московской охраны жандармский полковник П. П. Заварзин доложил Департаменту полиции, что «по документу на имя Владимира Павлова Матвеева проживал в Москве с 22 августа Иван Яковлев (Морицев) Дриллех, род. в 1879 году, журналист, лютеранин, который был обыскан и арестован».

На допросе в охранке нелегал «Матвеев» показал, что в действительности он Иван Яковлевич Дриллех, бывший сотрудник газеты «Киевская мысль». Скрываться от властей вынужден был из-за своей газетной статьи, которую цензура посчитала «крамольной». Решением Киевской судебной палаты он был присужден к заключению в крепости на один месяц. Однако, на его беду, он оказался австрийским подданным, и как опороченного по суду иностранца, не имеющего связи с отечеством, его по постановлению киевского, волынского и подольского генерал-губернатора подвергли ссылке в Томскую губернию. Чтобы избежать наказания, он вынужден был податься в бега и проживать в Москве по нелегальному паспорту.

Допрашивавший его опытный агентурист Заварзин, выслушав чистосердечную исповедь Дриллиха, поставил перед ним дилемму: или ссылка по этапу в Сибирь, или жизнь в Москве на положении секретного сотрудника. Иван Яковлевич, реально оценивая сложившиеся обстоятельства, прекрасно понимал, что в случае отказа сотрудничать с охранкой его ожидают в будущем не очень радужные перспективы, поэтому без особых колебаний выбрал последний вариант. В целях конспирации новоиспеченному секретному сотруднику — мужчине, жгучему брюнету, был присвоен нежный женский оперативный псевдоним «Блондинка».

Относительно кличек секретных сотрудников, то в жандармской Инструкции по ведению внутреннего наблюдения (1914) указывалось: «По приеме секретного сотрудника, осведомителя или розыскного агента ему принадлежит, в видах кон-

спирации, присвоить определенный псевдоним (кличку), под которой он числится на протяжении всей своей службы в агентуре... Для кличек берутся короткие фамилии, имена и названия, причем воспрещается избирать клички, фамилии офицеров корпуса жандармов, равно начальствующих лиц какого бы то ни было ведомства и рекомендуется не брать кличек исключительно употребляемые имена („Иван“, „Ваня“, „Николай“, „Коля“, „Александр“ и т. п.). Не возбраняется именовать мужчин женскими именами и наоборот» (§ 35).

18 октября 1910 года полковник Заварзин сообщил в столичный департамент, что «арестованный 14 октября Дриллх на основании чисто агентурных соображений из-под стражи освобожден».

Заметим, на сленге оперативников подобный прием привлечения к секретному сотрудничеству называется «вербовка на компре», то есть на компрометирующих материалах. По мнению Департамента полиции, такой прием являлся наименее надежным средством приобретения агентуры. В «Наказе по ведению политического розыска» (1916), в частности, указывалось, что лица, согласившиеся стать секретными сотрудниками под влиянием угроз, «впоследствии, одумавшись, в большинстве случаев изменяют своим обещаниям». Поэтому охранникам рекомендовалось, что успех в приобретении агентуры может быть только «в настойчивости, терпении, сдержанности, такте, осторожности, мягкости, осмотрительности, спокойной решительности, вдумчивости, в умении определять характер собеседника и подметить слабые и чувствительные его стороны, в умении расположить к себе человека и подчинить его своему влиянию, в отсутствии нервности, часто ведущей к форсированию» (раздел II, § 3).

Как показали дальнейшие события, Иван Яковлевич «не одумался» и «не изменил своих обещаний», данных охранке. Выйдя на свободу, он без особого труда устроился работать в популярную московскую либеральную газету «Русское слово», которая располагалась в доме «Товарищества Сытина» на Тверской. Так Дриллх — «Блондинка» становится заведующим петроградским отделом газеты.

Вскоре талантливый и популярный журналист появляется в лучших домах Москвы, где собирались писатели, журналисты, художники, актеры, а также деятели нового вида искусства — кинематографа.

В этот начальный период агентурной деятельности «Блондинки» его шеф, полковник Заварзин, докладывал столичному начальству: «Даваемые Дриллхом сведения по общественному движению и левому крылу конституционно-демократической партии очень ценны, а в будущем это лицо обещает быть еще более полезным, так как ему, как литератору, доступнее многие общественные круги».

...Преемник Заварзина полковник А. П. Мартынов, возглавивший московскую охранку в 1912 году, в своих воспоминаниях посвятил несколько страниц И. Я. Дриллху — одному из лучших своих секретных сотрудников. По его утверждению, Иван Яковлевич был «высокий, красивый брюнет с аккуратной подстриженной бородой». Бывший жандарм характеризовал его человеком очень развитым и интеллигентным, который интересовался не только одной политикой, но и хорошо разбирался во всех вопросах, относящихся к искусству, литературе, театру, прессе. В Москве он знал всех сколько-нибудь выдающихся общественных деятелей. Благодаря ему Мартынов был прекрасно осведомлен не только о внутреннем распорядке в редакции газеты, о сильных и слабых сторонах наиболее видных ее сотрудников, об их взаимоотношениях с издателем И. Д. Сытиным и редактором В. М. Дорошевичем, но и о всем том, что обсуждалось, критиковалось и решалось в коллективе редакции. По утверждению мемуариста, он отлично знал общественное настроение москвичей, поскольку оно находило отражение как в газетных ре-

портажах, так и в материалах, выброшенных в редакторскую корзину. Ему были известны суждения, высказываемые на закрытых заседаниях кадетских деятелей, Военно-промышленного комитета, различных общественных группировок, а также настроения земских и городских деятелей и т. д.

Говоря о Дриллихе, бывший охранник Мартынов отмечал, что Иван Яковлевич был человеком «с определенным уклоном в сторону государственности» и своим положением в качестве секретного сотрудника вовсе не тяготился. Их деловые отношения «носили легкий и... приятный характер». Дриллх был замечательным собеседником, спокойным и воспитанным человеком, большим эрудитом и любителем поговорить не только исключительно на политические темы, поэтому его конспиративные свидания с «Блондинкой», как правило, затягивались. На конспиративную квартиру Иван Яковлевич приносил с собой «прекрасно написанные доклады», в которых предлагал вниманию начальства различные «предупредительные» меры к «обузданию» газетчиков или «негласному влиянию» на печать и т. п. Эти доклады почти без всяких поправок Мартынов отсылал в Департамент полиции.

...Секретный сотрудник «Блондинка» был один из наиболее высокооплачиваемых агентов Московского охранного отделения. Его ежемесячная зарплата составляла 150 рублей — деньги по тем временам немалые⁶.

Однако грянула Февральская революция 1917 года... В день отречения Николая II от власти полковник Мартынов, у которого на связи было восемь особо важных секретных сотрудников, предупредил их о грозящей опасности и приказал исчезнуть из города. Личные дела секретных агентов он изъясил из своего сейфа и уничтожил.

В тот же день Иван Яковлевич пришел к редактору газеты Благову и сказал, что ему для сбора материалов необходимо срочно ехать в Петроград, где происходят все главные революционные события. Следующим утром он уже был в столице, а оттуда поезд умчал его в Финляндию...

Казалось бы, факт сотрудничества «Блондинки» с Московским охранным отделением останется для широкой общественности тайной за семью печатями. Однако Дриллиху не повезло: во время разбора документов Департамента полиции на Гороховой, в Особом отделе было обнаружено его наблюдательное оперативное дело (12 страниц). Оно и поступило в распоряжение Комиссии по обеспечению нового строя, которая занималась расследованием деятельности охранных отделений. Так как обнаружить Дриллиха на территории России не удалось, на титульном листе его дела был поставлен штамп «Не разыскан».

В 1919 году член Комиссии по обеспечению нового строя С. Б. Членов издал книгу «Московская охранка и ее секретные сотрудники», где в качестве приложения был помещен список секретных сотрудников Московского охранного отделения, опубликованных комиссией. Среди 115 сексотов под № 32 указывался **Дриллх** Иван Яковлевич (кличка «Блондинка»). Далее сообщалось, что он сотрудник газет «Киевская мысль» и «Русское слово», состоял на связи у начальника Московского охранного отделения полковника Мартынова. Вращался в прогрессивных кругах, главным образом среди кадетов, давая точные сведения не только об их заседаниях на частных квартирах, но и работе и настроениях в комитете партии. От него поступала информация о собраниях в редакциях газет «Русские ведомости» и «Эрмитаж», об отношении общественных деятелей к правительственной политике, к выборам в Государственную думу.

⁶ Для сравнения отметим, что армейский подпоручик после окончания военного училища на первых порах службы в полку получал девяносто рублей, а командир роты, капитан — сто двадцать.

Указывалось также, что Дриллх информировал охранку о проходивших в Москве всероссийских общественных съездах, о деятелях народного образования, о лекциях общества народных университетов (1911–1912), о политических консультациях либералов и социал-демократов на совещаниях, созданных по инициативе фабриканта-прогрессиста А. И. Коновалова, о докладе одного из лидеров кадетской партии С. Н. Прокоповича в союзе городов (1914), о поездке общественных деятелей за границу, о подготовительной работе к кооперативному съезду (1916) и т. д.

В заключение уместно будет сказать, что, как отмечают историки, сопоставление донесений Дриллха периода Первой мировой войны с документами кадетской партии показало, что в угоду заказчикам информации из охранки он намеренно преувеличивал степень оппозиционности кадетов, «нередко сообщая недостоверные и просто фантастические сведения».